

БЮРО ПОТЕРЯННЫХ ВОСКРЕСЕНИЙ

ВЛАДИСЛАВ ЛОГАЧЕВ

Владислав Логачев

Бюро потерянных воскресений

«Автор»

2026

Логачев В.

Бюро потерянных воскресений / В. Логачев — «Автор», 2026

Дэниел разбирает гараж умершего отца. Эвелин печёт пирог для дочери, которая снова не приедет. Ноа хранит семь сообщений от друга, погибшего много лет назад. Однажды каждый получает приглашение в Бюро потерянных воскресений. Здесь можно вернуться в единственный день своей жизни — с нынешней памятью, но без права начать заново, если что-то пойдёт не так. Все трое оказываются в одном дождливом воскресенье в маленьком городе Орегона. Дэниел хочет побыть с отцом. Эвелин — не отпустить дочь. Ноа — успеть к другу. Они ещё не знают, что их решения связаны и что, исправляя собственное прошлое, можно отнять у другого его единственный шанс. Чтобы прожить этот день иначе, им придётся услышать тех, ради кого они вернулись.

© Логачев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Коробка с надписью «Разное»	5
2. Пирог на двоих	8
3. Сообщение без ответа	11
4. Условия возврата	13
5. Восемь утра	16
6. Чужое место	20
7. Синий чемодан	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владислав Логачев

Бюро потерянных воскресений

1. Коробка с надписью «Разное»

В гараже отца нашлось восемь отвёрток с плоским жалом, три сломанных радиоприёмника и целый ящик ключей от неизвестных дверей. Дэниел выбросил радиоприёмники. Ключи оставил.

Он приехал в Милл-Крик утром, рассчитывая закончить к обеду. В багажнике лежали мешки, в телефоне — сообщение риелтора. Покупателям нравился участок. Гараж они собирались снести.

На подъёмной двери с внутренней стороны сохранилась полоска карандашных отметок. Возраст Дэниела, его рост. Последняя черта была выше его нынешнего плеча: отец однажды приписал ему два дюйма, потому что тот никак не мог догнать одноклассника.

Дэниел поставил перед чертой коробку.

Ближе к полудню позвонила жена.

— Как там?

— Почти закончил.

Вокруг него стояло двадцать семь лет отцовской жизни.

— Пообедай, ладно?

— Да.

Он положил телефон экраном вниз.

Кейт хотела, чтобы он взял с собой Люси. Дочь собиралась построить для дедушкиного гаража новый почтовый ящик и уже нарисовала на картоне цветы. Дэниел сказал, что в гараже пыльно, много гвоздей и ей будет скучно. Все три причины были правдой. Четвёртую он не назвал: если рядом будет ребёнок, вещи придётся объяснять. Он рассчитывал просто увезти их.

В холодильнике, который отец держал возле двери, нашлась бутылка горчицы и три одинаковые коробки с гайками. Дэниел открыл одну. Внутри лежали почтовые открытки. Он решил, что холодильник отправится вместе с ними, и закрыл дверцу.

На табурете стоял пластиковый контейнер Рут. Она привезла его накануне, сказала, что суп можно разогреть в доме, и оставила ключ у задней двери. Дэниел поблагодарил её за помощь. Слово «помощь» вышло сухим, как будто она была соседкой, которой надо вернуть одолженный инструмент.

Они с отцом прожили в браке четыре года. Дэниел всё ещё иногда называл Рут его знакомой.

У подъездной дорожки остановилась машина. Дэниел услышал щелчок дверцы и поспешно прикрыл контейнер ладонью, хотя так и не открыл его. Рут принесла пустую сумку из плотной ткани.

— Секатор, — сказала она. — Я вчера забыла спросить.

— Конечно. Всё садовое вон там.

Он указал на угол, где стояли грабли и лопата. Рут присела, убрала с лезвия комок земли. На ней была старая отцовская рубашка. Увидев, что Дэниел смотрит, она поправила рукав.

— Я её ещё летом взяла для сада.

— Я ничего не сказал.

— Знаю.

Рубашка была синей. В клетке возле нижней пуговицы не хватало одной белой линии: отец когда-то прожёт ткань, прижимая к животу горячую деталь. Дэниел много лет не видел этой дырки. Оттого, что Рут знала, где она, становилось неприятно.

Она положила секатор в сумку и задержалась у верстака.

— Ты полки тоже отдаёшь?

— Пока не решил.

На самом деле он уже договорился с человеком, который заберёт их завтра. Удобнее было говорить «не решил»: после таких слов от тебя не требовали объяснений.

Рут провела ладонью по краю стола.

— Генри хотел оставить маленький тисочный станок Люси. Когда подрастёт.

— Ей пять.

— Поэтому и сказал — когда подрастёт.

Дэниел поставил коробку с инструментами на пол. В доме родителей даже спустя два года после похорон всё звучало как упрёк. Открываешь ящик — не знал, что там. Выбрасываешь коробку — не спросил, кому обещали. Он приехал с мешками, а попадал на экзамен, к которому нельзя подготовиться.

— Рут, я не могу оставить весь гараж.

Она подняла голову.

— Я и не прошу.

— Покупатели хотят строить заново.

— Ты мне говорил.

— Нам нужны эти деньги.

Последнее было правдой. Кредит за дом в Портленде не уменьшался от того, что у отца обнаруживались новые дорогие кому-то вещи. Кейт в прошлом месяце снова отложила ремонт кухни. Люси нужен был присмотр после школы. В письме риелтора стояла сумма, и Дэниел уже разделил её между долгами, которых при жизни Генри никогда с ним не обсуждал.

— Мне тоже, — сказала Рут.

Он удивился. После смерти отца они привыкли говорить о необходимых расходах так, словно расходы касались только его. Рут жила в этом доме, но документы на собственность не превращали её в человека, которому легко оставаться в каждой комнате.

— Я нашла квартиру поменьше, — добавила она. — На Хейзел. Первый этаж.

— Ты не говорила.

— Я звонила в среду. Ты был на совещании.

Дэниел помнил звонок. Помнил, как написал «позже» и поставил возле сообщения маленькую отметку, чтобы не забыть. Отметка осталась, а звонок перестал быть событием.

— Я бы помог с переездом.

— Ещё успеешь. Мне пока не дали ключи.

Рут достала из сумки рулон клейкой ленты. Приклеила к станку листок: «Люси, если захочет». Последние два слова написала другим движением, медленно, чтобы буквы получились разборчивыми.

— Здесь не музей, Дэн. Просто иногда стоит сначала прочитать, что подписано.

Он хотел ответить, что отец подписывал всё не там и не теми словами. Вместо этого взял рулон и закрепил отстающий угол бумаги.

Рут ушла через заднюю дверь. Перед тем как закрыть её, постояла, держась за ручку. Дэниел не окликнул. Он подождал, пока её шаги стихнут, и перенёс станок в другую коробку.

Только после этого заметил, что на листке остался полукруг от мокрой чашки. Рут принесла ленту из кухни, куда он с утра так ни разу и не зашёл.

Из бумажника он достал старую квитанцию и написал на обороте: «Медь. Инструменты. Благотворительность». Это был удобный способ называть вещи, пока их трогаешь.

В нижнем ящике верстака лежала бейсбольная перчатка. В кармане для большого пальца застрял чек за молочный коктейль, выцветший до белизны. Дэниел вспомнил, как отец держал стакан между коленями, потому что подстаканник в машине был занят винтами.

Рядом лежал жёлтый конверт.

На нём было написано: «Дэну. Когда придёт».

Внутри оказалась единственная фотография. Старый зелёный универсал перед гаражом. На водительском сиденье — отец; на пассажирском — пусто. На обороте стояла дата: 29 сентября 2019 года.

Дэниел вспомнил воскресенье сразу. В тот день он проверял смету для клиента в Портленде. Отец позвонил и спросил, сможет ли он приехать помочь с машиной. Дэниел сказал: «На следующих выходных». Отец ответил: «Конечно».

После этого они виделись ещё много раз. Отец прожил ещё пять лет. Именно поэтому воспоминание не удавалось объяснить никому: никакой последней просьбы не было. Было обычное приглашение, которое Дэниел привык переносить.

На столе что-то тихо щёлкнуло.

Он обернулся. Телефон лежал на прежнем месте. Из-под него выступал узкий листок, которого минуту назад не было.

«Бюро потерянных воскресений. Возврат невостребованных дней. Уиллоу-стрит, 14. Сегодня до пяти».

Ниже, другим шрифтом:

«Не приносите фотографию. Мы знаем дату».

Дэниел посмотрел на дверь, потом на фотографию. Некоторое время он стоял неподвижно. Затем взял ключи от неизвестных дверей, высыпал их обратно и уехал, не закончив ни одной коробки.

2. Пирог на двоих

Эвелин Морган испекла яблочный пирог в маленькой форме. Большую она отдала соседке три года назад.

До сообщения Лии звонила Тесс. Сначала Эвелин подумала, что это дочь, и ответила слишком быстро.

— Ты уже оделась? — спросила Тесс.

— Зачем?

— Мы собирались на ярмарку. Возле школы. У меня даже есть зонт для двоих, если мы согласны идти не в ногу.

Эвелин посмотрела на листок возле холодильника. Под воскресеньем было написано «Тесс». Ниже, карандашом, — «Лия, звонок». Карандашная запись выглядела важнее, хотя занимала меньше места.

— Сегодня не получится.

— Колено?

— Нет. Лия обещала позвонить.

— И мы не можем выйти из дома с телефоном?

Эвелин переставила чашку. От такого простого вопроса хотелось защищаться.

— На улице плохо слышно. Ты же знаешь.

Тесс знала. За последние годы она слышала о плохой связи в парке, неудобных скамейках на набережной и слишком громкой музыке в кафе. С каждым месяцем оставалось всё меньше мест, где Эвелин могла ждать дочь с удобством.

— Хорошо, — сказала Тесс. — Я зайду после, если ты захочешь.

— Ты обиделась?

— Я собираюсь купить себе ужасно дорогую свечу. Пока не обиделась, но продавцу будет трудно.

Эвелин рассмеялась против воли. Почти согласилась пойти. Но на кухонном столе остывал пирог; за окном была дорожка, по которой Лия когда-то возвращалась из школы, и дом, где после её отъезда ни одна вещь больше не находилась там случайно. Эвелин не могла уйти из него за полчаса до обещанного звонка.

После разговора она открыла календарь в телефоне. Следующие выходные были пусты. Потом ещё одни. На середину ноября она поставила напоминание позвонить дочери и сразу удалила: если приходится напоминать себе, значит, она уже делает что-то неправильно.

Из спальни донёсся короткий треск. Это упала пластиковая вешалка: дверь шкафа давно не закрывалась плотно. Эвелин подняла её, поправила зимнее пальто и увидела на верхней полке коробку с чужими тетрадями. Лия несколько лет просила не выбрасывать. Или просила выбросить? Эвелин не могла вспомнить.

Она принесла коробку на кухню. На первой тетради стояло имя дочери, выведенное крупными круглыми буквами. Лия училась писать фамилию, не укладывала последнюю букву в строку и начинала заново. Между упражнениями оказался нарисован дом. Четыре окна, дверь, собака, которой у них никогда не было.

Эвелин вспомнила собаку. Не настоящую: разговор о ней. Они обещали завести щенка, когда у отца станет меньше разъездов. Потом отец ушёл, и обещание осталось без человека, который должен был его выполнить. Лия ещё полгода спрашивала, можно ли хотя бы пойти в приют посмотреть. Эвелин отвечала, что с неё довольно заботы о тех, кто уже здесь живёт.

Она закрыла тетрадь. Сейчас в воспоминании хотелось исправить интонацию, добавить усталость, объяснить счета, которыми был завален стол. Всё это существовало. Дочь в десять лет видела только мать, отвернувшуюся к раковине.

Телефон лежал рядом с коробкой. Эвелин могла написать: «Помнишь, ты хотела собаку?» Она даже набрала эти слова, но не отправила. Вдруг дочь подумает, что это намёк на внуков. Или что мать снова достала детские вещи, чтобы показать, какой та была хорошей, пока не выросла.

Эвелин убрала коробку обратно. На этот раз не на верхнюю полку, а возле двери. Когда Лия приедет, сама решит, что ей нужно.

Через несколько минут Эвелин вернулась и задвинула коробку под кровать. Возле двери она выглядела так, будто дочь уже не ждали.

Дочь обещала позвонить в одиннадцать. В одиннадцать двенадцать Эвелин протёрла телефон полотенцем: вдруг экран не отозвался из-за муки. В одиннадцать сорок убрала пирог с подоконника. В полдень пришло сообщение.

«Прости, сегодня не получится. На неделе наберу».

Эвелин написала: «Ничего страшного». Посмотрела на слова и стёрла их. Потом написала то же самое.

Они с Лией разговаривали примерно дважды в месяц. Дочь спрашивала про колено. Эвелин спрашивала про работу. После этого обе начинали подбирать темы, которые помещались между ними без острых краёв.

В прежней жизни Эвелин знала о дочери всё: когда та ела, с кем дружила, какую кофту искала утром. Теперь она не знала даже, в какой комнате дочь находится, когда отвечает ей.

В кухонном шкафу по-прежнему стояли два стакана с неровными цветными ободками. Лия сделала их на летних занятиях, когда была маленькой. Эвелин не пользовалась ими, чтобы не испортить. Несколько лет назад дочь спросила, зачем тогда их вообще держать. Эвелин обиделась на слово «тогда».

Она взяла один стакан, налила воды и поставила рядом с телефоном. Место не стало менее пустым.

Приглашение обнаружилось под формой для выпечки. Бумага не была ни тёплой, ни жирной, хотя пирог только что достали из духовки.

На обороте стояла дата.

Двадцать девятое сентября.

Эвелин села.

В то воскресенье Лия поставила в прихожей чемодан. Не новый: синий, с оторванным ремешком. Эвелин сначала спросила, куда она собралась. Потом — почему ничего не сказала. Потом произнесла слова, которые до сих пор могла воспроизвести с той же интонацией:

«Когда перестанешь путать свободу с неблагодарностью, поговорим».

Дочь уехала. Поздно вечером позвонили из больницы.

Эвелин помнила пластиковый стул в коридоре, мокрые подошвы полицейского и то, как нелепо выглядел чемодан рядом с больничной койкой. Лия выжила. Но после выписки поселилась у знакомой, затем перебралась в другой город. Телефонные разговоры у них сохранились. Близость — нет.

Эвелин завернула кусок пирога. Почему-то ей казалось невежливым идти в место, которое обещало такое, с пустыми руками.

На Уиллоу-стрит пахло дождём и остывающим кофе. В витрине дома под номером четырнадцать не было ничего, кроме стула.

За столом сидела женщина с короткими седыми волосами. Она переставила на край стола вазу, освобождая место для свёртка.

— Для сотрудников? — спросила она.

— Для вас. Я не знала, что принято.

— Меня зовут Мара.

— А что здесь принято, Мара?

Женщина посмотрела на пакет, словно искала ответ там.

— Не всё, что люди приносят, можно вернуть, — сказала она. — Пирог можно.

Эвелин не улыбнулась.

— Мне нужен один разговор.

— Начнём с него.

3. Сообщение без ответа

Ноа Эллис возил продукты. В приложении он был человеком на маленьком синем велосипеде, хотя работал на старой машине с треснутым зеркалом.

В воскресенье клиент отказался принять заказ: молоко оказалось не той марки. Ноа унёс пакет обратно и несколько минут сидел, обняв его, потому что лопнула ручка. Телефон требовал подтвердить возврат.

У магазина ему пришлось обойти машину. Пакет с молоком задел зеркало и повернул его внутрь; на миг Ноа увидел в стекле только собственную куртку. Он поправил зеркало, прежде чем сел.

С утра отец прислал фотографию водосточного желоба. Подпись: «Если можешь, заезжай. Лестница есть». Ноа знал, что лестница есть. Знал, где отец держит перчатки, в каком ящике лежат крепления и какую сумму предложит в конце, сделав вид, что платит за работу. Именно поэтому не поехал.

У Михаэла после развода стало свободнее на кухне и хуже с разговорами. Когда сын приходил, он начинал чинить что-нибудь у себя за спиной. Они могли целый вечер провести возле водопроводной трубы и ни разу не посмотреть друг на друга. Раньше Ноа принимал это за равнодушие. Потом научился узнавать в шуме инструмента отцовское облегчение: пришёл, стоит рядом, пока не ушёл.

Но сегодня он ответил, что занят. Приложение показывало три заказа, из которых один отменили. Бензина было на полдня, денег на счёте — чуть больше, чем нужно для квартплаты. Отцовская фотография оставалась в верхней строке уведомлений.

Ноа открыл её ещё раз. На краю кадра виднелась дверь чёрного хода. Перед ней был прямоугольник более светлой краски: раньше там висела баскетбольная корзина. Они с Беном однажды сняли её, чтобы починить, и так и не вернули. Бен держал лесенку, Ноа откручивал болты. Когда мяч покатился под машину, оба побежали за ним, и лесенка упала на газон с таким звуком, что из дома выбежал Михаэл.

В память не помещалось, что взрослый человек, который кричал тогда из-за помятой перекладины, потом платил за чужой разбитый телефон и сидел с чужой матерью в приёмной больницы. Ноа мог вспоминать одно или другое. Вместе они не складывались.

У припаркованного фургона двое подростков пытались вернуть тележку в ряд. Колесо упёрлось в трещину. Один поднял край, другой толкнул, и тележки сошлись с грохотом. Оба согнулись от смеха.

Ноа закрыл фотографию.

Он давно перестал заходить на страницу матери Бена. Не потому, что там было что-то страшное. Там были снимки с работы, новый садовый стол, собака с перевязанной лапой. Жизнь женщины продолжалась, и Ноа каждый раз воспринимал это как обвинение себе: раз она может покупать стол, он тоже должен научиться хотя бы оплачивать счета без опоздания.

В прошлом месяце он увидел её в аптеке. Держал коробку пластырей, пока она выбирала между двумя одинаковыми упаковками. Мог подойти. Представлял, как произнесёт имя Бена, как женщина будет вынуждена поставить корзину и стать его матерью прямо между полками с мылом. Ноа оставил пластырь у кассы и вышел.

Позже злился на себя, что не купил нужного. На следующий день порезал палец картоном, и пришлось обмотать его салфеткой. Маленькая нелепая цепочка последствий выглядела понятнее всего, что случилось в семнадцать лет.

Сейчас отец прислал второе сообщение: «Я уже слез. Не спеши».

Ноа набрал: «В другой раз». Не отправил. В кармане куртки нашлась квитанция за ремонт машины. Он сложил её вдвое, выровнял угол и сунул под резинку солнцезащитного козырька. Там уже лежало пять таких бумажек.

Он открыл другой экран.

Переписка с Беном давно была перенесена в отдельную папку. Ноа купил несколько новых телефонов, восстановил два забытых пароля и научился сохранять резервные копии ради семи сообщений.

Последнее начиналось так: «Ты можешь просто приехать?»

В семнадцать лет Ноа увидел его, лёжа на диване рядом с девушкой, которой очень хотел понравиться. Он перевернул телефон. Когда ответил, Бен уже не брал трубку.

Ноа всё-таки отправился его искать. Дальше память становилась неровной: обочина, чужая машина, ладонь Бена на запотевшем стекле. Затем больница. Лицо человека, вытащившего его из автомобиля, он не помнил. Водительницу видел мельком, через бинты и действие лекарств. Потом избегал новостей, в которых могла оказаться фотография машины.

На пассажирском сиденье, поверх пакета с продуктами, лежало приглашение.

Ноа смял его прежде, чем дочитал. Достал из мусора. Расправил на колене.

Он попробовал позвонить по номеру, напечатанному мелко внизу. Гудков не было. Вместо них он услышал, как кто-то двигает стул, а затем женский голос сказал: «Не по телефону, Ноа».

После этого связь оборвалась.

Ноа посмотрел на пакет. Упаковка молока была целой. Он подтвердил возврат заказа и отвёз продукты в магазин. Кассирша попросила расписаться; подпись не получилась, и он долго обводил первую букву, пока та не превратилась в чёрное пятно.

До Уиллоу-стрит было девять минут. Он ехал четырнадцать, останавливаясь на каждом жёлтом сигнале.

В приёмной сидели мужчина с царапинами на руках и женщина с аккуратно застёгнутой сумкой. Возле седой сотрудницы стояла тарелка с яблочным пирогом.

— Я не буду рассказывать это при них, — сказал Ноа.

— Не нужно, — ответила сотрудница. — Сначала вам прочтут условия.

— Вы всем их читаете?

— Всем, кто ещё может уйти.

Мужчина поднял голову. Ноа заметил, что у него на манжете засохшая древесная пыль.

— А потом нельзя?

Мара сняла очки.

— Потом у вас начнётся воскресенье. Его придётся прожить до конца.

На стене висели часы без секундной стрелки. На всех трёх приглашениях, лежавших теперь перед Марой, была одна дата.

Никто из посетителей пока этого не заметил.

4. Условия возврата

Мара выдала каждому лист бумаги.

Дэниел первым перевернул свой, проверяя мелкий шрифт. Эвелин достала ручку. Ноа оставил руки в карманах.

Мара переписала номера дел и имена посетителей на приглашения и положила их рядом с листами.

— Листы останутся у нас. Приглашения возьмите: с этой минуты это ваши экземпляры условий и пропуска.

Под заголовком на каждом появились строки мелкого текста. Дэниел провёл пальцем по свежим буквам. Бумага была сухой.

— Вы вернётесь в своё тело в восемь утра двадцать девятого сентября две тысячи девятнадцатого года, — сказала Мара. — Память останется сегодняшней. Всё остальное будет таким, каким было тогда. Деньги, одежда, заряд телефона. Чужими действиями вы не управляете.

— А если у меня ничего не получится? — спросила Эвелин.

— В полночь вы всё равно вернётесь сюда. Второго прохода не будет.

Дэниел достал телефон и показал Маре фотографию Люси. Дочь сидела на полу, а вокруг неё лежали разобранные детали пылесоса.

— Она родилась позже. Её я тоже могу потерять?

Мара посмотрела на экран.

— Я не могу обещать, что все семь лет останутся прежними.

— Вы хоть понимаете, чего просите?

— Поэтому дверь пока открыта в эту сторону.

Он убрал телефон. Некоторое время в комнате слышно было, как Ноа трёт ладонью колено. Дэниел подумал о покупателях участка, о фотографиях, которые уже перестал открывать, о себе через год. Мог бы он потом объяснить себе, почему даже не дослушал?

— Что будет с этими семью годами? — Дэниел коснулся листа.

— Для остальных людей они сложатся заново. Ваша тогдашняя жизнь продолжится с памятью о прожитом воскресенье, но без знания ещё не наступивших лет. Эту память вы унесёте сюда. Вы будете помнить прежнюю жизнь. Воспоминания о новой начнут приходить после возвращения. Не обязательно сразу.

Ноа сел.

— Он будет жив?

Мара не спросила, кто.

— Я этого не знаю.

— Тогда зачем вы меня пригласили?

— Вам оставили возможность решить самому. Но ответа про него у нас нет.

Он отвернулся. Эвелин перестала щёлкать ручкой.

— Кто оплачивает вашу работу? — спросил Дэниел.

— Хранитель этого места.

— И что ему нужно от нас?

Мара положила ладонь на край папки. Ноготь большого пальца был коротко обломан.

— Чтобы у вас появилась возможность сделать то, чего вы не сделали.

— Это не ответ на мой вопрос.

— Нет, — согласилась она.

Дэниел отодвинул лист.

— Мне нужно позвонить.

Мара указала на входную дверь. Ноа поднял голову, словно хотел попросить, чтобы Дэниел не уходил, но тут же отвернулся к часам.

На улице ещё работало кафе. Мужчина в непромокаемой куртке перекладывал мокрые стулья под навес; женщина вытирала рукой воду с велосипедного седла. Дэниел прислонился к витрине и набрал Кейт.

Ответила Люси.

— Ты уже едешь?

Он закрыл глаза. Дочь говорила так близко, что хотелось отвести телефон от уха и найти её рядом.

— Ещё нет.

— Мы сделали большую крышу. Мама сказала, маленькая промокнет.

— Для ящика?

— Ну да. Ты же сам сказал, что у дедушки всё настоящее. Значит, дождь тоже настоящий.

В трубке послышался шорох. Кейт спросила что-то из другой комнаты. Люси ответила, что папа не купил хлеб, хотя он ни слова не сказал о хлебе.

Дэниел посмотрел на приглашение. На бумаге стояла сегодняшняя дата выдачи и старая — возвращения. Он мог порвать её. Зайти в кафе, заказать еду, приехать домой и закончить ящик. Отца это не вернуло бы. Но никто не заставлял его ставить на кон всё, что у него ещё было.

— Дай маме трубку, пожалуйста.

Пока Люси несла телефон, Дэниел успел представить, как рассказывает Кейт правду. Женщина не станет смеяться; спросит, давно ли он ел и где стоит его машина. Приехать за ним из Портленда займёт больше часа. Мара закроет дверь, приглашение останется обычной бумагой. Решение примет человек, которого он любит, и потом на него можно будет тихо обижаться до конца жизни.

— Ты в доме? — спросила Кейт.

— Нет. В городе.

— Что случилось?

Он рассказал о Рут и станке для Люси. Про квартиру на Хейзел. Кейт слушала, не помогая подобрать удобную интонацию.

— Я не знал, что она собирается переезжать, — сказал он.

— Теперь знаешь.

— Мне казалось, мы договорились всё решить вместе.

— Ты собирался ей перезвонить, Дэн.

Он заметил в витрине собственное отражение. За ним стояли стул и пустая приёмная: с улицы не было видно ни Мары, ни двоих посетителей. Дэниел протёр стекло рукавом. Отражение стало чётче, комната осталась пустой.

— Я иногда думаю, если бы в тот день приехал...

— В какой?

— Тогда, с машиной. В девятнадцатом.

Кейт помолчала.

— Ты думаешь, это был последний день, когда можно было стать другим сыном?

— Нет.

Ответ вышел слишком быстро. Он действительно помнил следующие воскресенья. Генри приглашал ещё; Дэниел несколько раз приезжал, иногда сердился, иногда хорошо проводил время. Никакого единственного поступка, который объяснял всё, не существовало. Просто была дата на фотографии, и к ней удобно прикреплялось то, за что иначе пришлось бы отвечать без конца.

— Ты приедешь к ужину? — спросила Кейт.

Дэниел сжал бумагу, но остановился, прежде чем на ней появился сгиб.

— Постараюсь. Не жди, если задержусь.

— Позвони, когда выедешь.

— Кейт.

— Да?

— Я люблю тебя.

— Я тоже. И ты всё ещё должен поесть.

Он ещё немного держал телефон возле лица после того, как связь оборвалась. Человек под навесом закончил со стульями и придержал для него дверь кафе. Дэниел покачал головой. Купил у окна только булку, съел половину, не чувствуя вкуса. Вторую положил в карман.

Вернувшись, он не сел сразу.

— Если мне понадобится отказаться до прохода, я смогу?

— До прохода, — подтвердила Мара.

Он придвинул лист. Пока его подписи не было на бумаге, он оставался отцом девочки, которая ждала настоящую крышу для картонного ящика. Дэниел заставил себя посмотреть на фотографию ещё раз. Не спрятал её, когда взял ручку.

Эвелин подписала первой. Мара придержала лист, когда та поставила дату.

— Ваше имя целиком.

— Дочь тоже всегда просит не сокращать, — сказала Эвелин. — Я пишу ей «Ли», она исправляет.

Из-за матового стекла донёсся короткий скрип. Мара дождалась, пока Эвелин допишет фамилию, и подала следующий лист Ноа. Он подписал. Дэниел прочёл свой лист ещё раз и поставил подпись последним. Внизу было отдельное предложение: «Возвращение дня не означает восстановления прежних отношений».

Он подумал об отце, который, возможно, снова спросит, не занят ли он. И о том, как много сил понадобится, чтобы не начать объяснять отцу собственную жизнь.

За столом открылась дверь. Там, где должна была находиться маленькая кладовая, оказалось длинное помещение с тремя деревянными стульями. Над ними горела лампа в сетчатом плафоне.

Дэниел узнал её. Такая же висела над отцовским верстаком.

Он обернулся к Маре.

— Эти люди тоже туда едут?

— В тот же день.

— И если я встречу вас снова? — Дэниел указал на Мару.

— На Уиллоу-стрит останется наш порог. Ваша карточка откроет дверь. Приходить к нам за новой попыткой бесполезно: часы снаружи продолжают идти. Здесь можно поговорить, но нельзя начать утро заново.

— Кто-нибудь другой сможет зайти?

— Только с вами. Пока вы его впускаете. Чужие воспоминания от этого не меняются.

— Мы можем встретиться?

— Это ваш город.

Ноа уже вошёл. Эвелин бережно пристроила сумку возле среднего стула. Дэниел успел заметить в глубине приёмной ещё одну дверь. За матовым стеклом стоял человек.

— Подождите, — сказал он.

Лампа щёлкнула.

На прикроватной тумбочке зазвонил телефон.

5. Восемь утра

Дэниел очнулся в своей прежней квартире в Портленде. На тумбочке лежал телефон, который он давно сдал в обмен на новый. Звонил отец.

— Дэн, ты сегодня занят?

— Я приеду, — сказал Дэниел. — Я сейчас выезжаю.

Кейт спала на боку, положив руку на край подушки. На полу возле кровати стояла нераспакованная коробка. Они переехали в эту квартиру в июне и до сентября так и не решили, какие книги будут в гостиной, а какие останутся здесь.

Дэниел сел. Рука машинально потянулась к месту, где в другой квартире на другой тумбочке лежал детский градусник. Здесь вместо него был чек из хозяйственного магазина.

Он подошёл к двери маленькой комнаты. Тогда они называли её кабинетом. У стены стоял стол, на котором не помещались две открытые папки; на коробке возле розетки лежали наушники Кейт. Дэниел не помнил рисунок обоев. Помнил, как два года спустя выбирали другие и спорили, не слишком ли яркие жёлтые листья над детской кроватью.

Пустая комната не выглядела местом, где кому-то ещё предстоит родиться. Это была комната без человека. От этой простой разницы у него ослабели руки.

В ванной зеркало оказалось ниже, чем он ожидал. У лица не было усталой складки возле правого глаза, а на полке стояла зубная щётка, которую он потерял в поездке через месяц. Дэниел открыл кран. Вода шла долго, ударяя о знакомую трещину на раковине. Он заставил себя не забирать каждую вещь в память, как будто снова разбирал гараж.

Из спальни вышла Кейт. Спросонья она не сразу поняла, почему горит свет.

— Ты куда?

— К папе.

Она взглянула на часы и зевнула.

— Ты же говорил, будешь работать.

— Я передумал.

— А Скотт?

— Разберусь.

Кейт остановилась в дверях. Через семь лет Дэниел узнавал это выражение раньше, чем появлялись слова. Сейчас оно было моложе, открытее; ей ещё не приходилось столько раз начинать разговор о том, что означает его «разберусь».

— Дэн, у нас деньги за квартиру в пятницу. Я не пытаюсь запретить тебе ехать к отцу.

— Я знаю.

— Нет. Ты уже отвечаешь так, как будто я пытаюсь.

Он прислонился к раковине. Хотел обнять её и понял, что делает это для собственного облегчения. Кейт ждала ответа, а не объятия человека, которому приснилась страшная жизнь.

— Я обещал смету к полудню, — сказал он. — Если останусь дома, успею. Если поеду, придётся попросить до утра.

— Попроси сейчас.

— Он ещё спит.

— Тогда напиши. Мне не нужно просыпаться в понедельник и узнавать, что ты решил за нас обоих.

Дэниел достал телефон. С шестнадцатью процентами заряда экран выглядел слабым, почти прозрачным. Он набрал Скотту, что будет на связи позже, и получил автоматическое подтверждение доставки. Потом положил устройство на край умывальника экраном вверх.

Кейт налила воды из-под крана. У неё не было рубца возле большого пальца: тот появился, когда они строили полку для Люси. Дэниел смотрел на руку так долго, что жена заметила.

— Что?

— Ничего. Красивые пальцы.

— Очень подозрительное воскресное утро.

Она улыбнулась. Это было ровно то, чего он боялся лишиться. Дэниел начал говорить, что вернётся вечером, и остановился на первом слове. Он не знал, каким вернётся.

Кейт поцеловала его в плечо и ушла спать. Он услышал, как скрипнула кровать, как она поправила одеяло. Тихие звуки не давали никакого обещания.

В прихожей нашлись ключи от прежней машины. Дэниел попробовал привычным движением открыть несуществующую дверцу кармана в куртке, выругался и переложил ключи в другой. На лестнице пахло чужим завтраком. Он спускался, касаясь перил ладонью, чтобы не начать бежать.

На выезде из Портленда радио сообщило о скидках в магазине, которого больше не существовало. Дэниел выключил звук и вскоре включил снова: тишина делала дорогу слишком похожей на тот вечер, когда он ехал от отцовской больницы.

Он знал, что Генри ещё не болен той болезнью, которая заберёт его через пять лет. Вернее, знал только слова, услышанные позже, и последовательность событий, которую семья научилась пересказывать после похорон. Сначала обследование, потом ожидание, потом длинный период, когда нельзя было понять, лечатся они или просто откладывают страшный разговор. В гараже лежал целый пакет медицинских бумаг. Дэниел ни разу не перечитал их от начала до конца.

У придорожной заправки он остановился. Достал ручку и попытался записать то, что помнил: год, название клиники, фамилию. Фамилия никак не приходила. В памяти оставалась женщина с короткой стрижкой, которая пододвинула ему коробку салфеток, не прерывая объяснения. Он даже не знал, она ли лечила отца с самого начала.

На обороте чека получилось: «Не откладывать врачей». Такая записка могла лежать у любого человека на холодильнике.

Рядом припарковался фургон. Водитель вынес к мусорному баку пустой бумажный стакан, промахнулся и вернулся за ним. Дэниел следил за этим маленьким движением с непонятной завистью. Человек мог просто закончить одно дело и перейти к следующему.

В магазине при заправке продавали открытки с водопадом. Дэниел вспомнил, что в детстве просил остановиться здесь каждый раз: продавец давал ему выбрать маленькую наклейку. Он подошёл к стойке. Продавец был другой, молодой. Никаких наклеек не было.

— Вам помочь?

— Здесь раньше работал мужчина. С седыми усами.

— Билл? Он по вторникам выходит. А что?

— Ничего. Просто помню.

Живой Билл, которого Дэниел уже несколько лет считал частью исчезнувшей дороги, по вторникам продавал кофе. От этой новости почему-то стало тяжелее, а не легче.

Он купил хлеб. Потом молоко: отец держал в холодильнике только то, что годилось добавив в соус. У кассы лежали дешёвые детские игрушки, и Дэниел взял маленькую жёлтую машинку. Продавец пробил покупку раньше, чем он понял, что делает.

В автомобиле машинка оказалась на пассажирском сиденье. Люси любила ставить свои игрушки в очередь и объяснять им правила. Он мог привезти машинку домой вечером, положить на стол в мастерской, удерживать её до полуночи. Но Мара не обещала, что новые вещи вернутся с ним. Дэниел убрал игрушку в карман куртки. Решил, что отдаст отцу. Пусть лежит у него, если когда-нибудь понадобится.

Перед Милл-Криком дорога раздваивалась. Он свернул по памяти, увидел старую вывеску шинной мастерской и понял, что выбрал поворот, который в его жизни закроют только через два года. Пришлось возвращаться. Отцовский дом оставался прежним, но добраться до него привычным путём было нельзя.

На крыльце стоял мокрый зонт. Дэниел поднял его, чтобы открыть дверь. На ручке белела тонкая полоска ткани. Он не узнал эту вещь и уже хотел спросить, откуда она, когда услышал, как отец разбивает яйцо.

Он открыл незапертую дверь отцовской кухни. Отец стоял к нему спиной и разбивал яйцо о край сковороды.

Первое, что почувствовал Дэниел, было раздражение: отец опять готовил на слишком сильном огне. Привычное, пустяковое раздражение пришло раньше радости. От этого он чуть не заплакал.

— Ты рано, — сказал отец. — Я думал, ты к обеду.

Дэниел посмотрел на свои руки. Царапин не было. На пальце — прежнее кольцо с потёртой внутренней стороной. До рождения дочери оставалось два года.

Он достал телефон. Старая заставка, шестнадцать процентов заряда. Генри заметил, что он ищет провод, и показал на розетку у кухонного окна. Дэниел подключил телефон и оставил его заряжаться, пока они пили кофе.

— Дэн?

— Можно кофе?

Отец подвинул к нему сахарницу.

— Конечно.

Дэниел обнял его, пока тот доставал кружку. Отец постоял неподвижно, затем осторожно похлопал сына по спине.

— Что-то случилось?

— Нет.

— С Кейт всё нормально?

— Да. Всё нормально.

Ему хотелось сказать: ты умер, я разобрал твои вещи, я не знаю, что делать с твоими ключами. Вместо этого он спросил, куда поставить хлеб.

Зелёный универсал стоял в гараже на новых шинах. На заднем стекле отец приклеил объявление о благотворительном аукционе. В кармане двери лежал детский атлас дорог.

— Мы же его продали, — начал Дэниел.

— Ещё нет. В субботу показывать буду.

Отец протянул ему тряпку.

Они вытирали пыль, разбирали крепления, искали гайку, которую отец сам положил в коробку из-под печенья. Ничего важного не происходило. Время шло так медленно, что Дэниел несколько раз посмотрел на часы.

В одиннадцать отец сказал:

— Хочу познакомить тебя с женщиной.

Дэниел прижал тряпку к ладони.

После смерти матери прошло шесть лет. В прежнее воскресенье этого разговора не было. О Рут Дэниел узнал значительно позже, когда они уже привыкли обходиться без его участия.

— Её зовут Рут. Она в библиотеке работает.

— Почему ты раньше не сказал?

Отец усмехнулся.

— Вот ты и приехал. А я уже жалею.

Дэниел посмотрел на чистую полосу крыла. В памяти нашлись все разговоры, в которых он объяснял отцу, как правильно питаться, тратить деньги, беречь машину. Не нашлось ни одного вопроса о том, с кем отец хотел бы провести вечер.

— Прости, — сказал он. — Расскажи про неё.

Отец ещё некоторое время складывал тряпку. Потом рассказал.

6. Чужое место

Пока отец рассказывал о Рут, Дэниел открыл холодильник за молоком и увидел на верхней полке небольшой контейнер. Точно такой же стоял в гараже в утро, из которого он приехал. На крышке было написано маркером: «Генри. Вернуть не обязательно».

— Она всё время готовит слишком много, — сказал отец.

Он говорил так, словно объяснял наличие контейнера, а не то, почему в доме другой женщины появилась его порция.

— А она где сидит, когда приходит? — спросил Дэниел.

— Кто?

— Рут.

За кухонным столом было четыре места. Но пустой стул слева от окна всё ещё считался маминим, хотя это никто не произносил. Дэниел сам ставил туда сумки, чтобы приезжие выбрали другое место.

Отец отнёс сковороду к раковине.

— Где захочет, там и сидит.

По стеклу поползла первая полоса дождя. Дэниел открыл рот и закрыл. У него не было права явиться на один день и потребовать отчёта за шесть лет одиночества. Но это право казалось таким привычным, что руки уже нашли спинку стула.

— Позови её вечером, — сказал он.

Отец посмотрел на часы.

— Ты останешься?

— Если не против.

Генри вытащил телефон из нагрудного кармана. Печатал одним пальцем, удаляя почти каждую вторую букву. Дэниел знал: Рут ответит вопросом, что нужно принести; знал, как она смеётся, прячет остатки ужина и уговаривает отца выбросить тапочки. Но знать всё это из чужой жизни оказалось недостаточно, чтобы сейчас чувствовать себя своим.

На его телефоне высветилось сообщение Кейт: «Скотт спрашивает, когда будет смета. Ты сказал ему до полудня?»

Дэниел вспомнил воскресенье с другой стороны. Они только начали выплачивать кредит за квартиру. Скотт мог дать ему работу на несколько месяцев. Тогда отец казался делом, которое подождёт: старый дом, старая машина, ни одной точной даты, после которой всё будет поздно.

Он позвонил Кейт.

— Я у папы. Сегодня закончить не смогу.

Она помолчала.

— Ты ему написал? Он опять спрашивает через меня.

В её голосе ещё не было спокойствия женщины, с которой он прожил следующие семь лет. Дэниелу захотелось перескочить через них, сказать, что всё сложится, что у них будет дочь. Но права распоряжаться будущим у него не прибавилось.

— Написал, но не объяснил толком. Я сейчас сам ему наберу.

— С папой всё нормально?

— Да. Просто я хочу побыть с ним.

Ему пришлось повторить это Скотту. Тот не обрадовался. Переносить расчёт согласился до утра понедельника и добавил, что в следующий раз ждать не станет.

После звонка Дэниел стоял на крыльце. Он всё ещё боялся за дочь, которой здесь не было. Прислушивался к кухне и одновременно проверял, не исчезла ли из телефона фотография, которой в нём ещё не могло существовать.

Отец вышел с двумя куртками.

— В гараже холодно. И не клади телефон под капот. Опять будем искать.

Дэниел взял куртку. На рукаве была дырка от сигареты, хотя отец бросил курить много лет назад. Он просунул в неё палец, как делал подростком.

— Дэн, — сказал Генри уже у машины. — Ты можешь приезжать и без дела. Я уж найду, чем тебя не занимать.

Дэниел кивнул, потому что ответить сразу не получилось.

После звонков отец попросил помочь с полкой над верстаком. У дальней стены стояли две банки краски и пачка новых досок. Дэниел узнал полку: в 2026 году на ней лежали зимние шины. Её собрали сегодня. Он никогда не спрашивал, кто держал второй конец.

Генри положил доску на два стула и принялся размечать отверстия. Делал это медленно, с перекурком, хотя давно не курил: просто откладывал карандаш и отходил посмотреть издалека. Дэниел взял рулетку, отмерил расстояние и сразу провёл линию.

— Здесь труба, — сказал отец.

— Знаю.

Он не знал. В следующую секунду вспомнил трубу за картоном, на которую ругался уже после похорон, снимая шины. Здесь ещё можно было увидеть, как всё выглядело до того, как стало неудобным наследством.

Дэниел стёр линию ладонью. Генри выдал ему ластик.

Пока они работали, на крышу упала ветка. Коротко грохнул металл. Отец поднял голову и сказал, что придётся почистить водосток. Дэниел почти ответил голосом Кейт: «Только не лезь сам». Вместо этого отложил шуруповёрт.

— Давай вместе.

Они не стали выбираться на крышу. Генри достал длинный крюк, Дэниел придерживал мешок внизу. Мокрые листья падали ему на рукава. Когда наконец пошла вода, она выплеснулась сразу в обе стороны. Дэниел отскочил, поскользнулся на траве, отец схватил его за локоть.

Несколько секунд они стояли, держась друг за друга, как два человека, каждый из которых неожиданно испугался за другого. Потом Генри начал смеяться. Дэниел тоже.

Он принёс сухое полотенце из дома. Отец снял очки, вытер лицо и сел на перевёрнутое ведро.

— Мама бы сейчас сказала, что я мог подождать до завтра, — заметил Дэниел.

Генри не улыбнулся.

— Она много чего говорила.

— Я помню.

— Ты помнишь, как она говорила с тобой.

Отец положил полотенце на колени. Дэниел стоял у двери. Любая реплика казалась требованием выбрать сторону.

— Я не хочу о ней плохо, — сказал Генри. — Просто у нас и хорошие дни были не одинаковые. В некоторые она со мной вообще не разговаривала. Потом мирились. На фотографиях этого нет.

Дэниел вспомнил жёлтый конверт. Пустое сиденье возле отца. Долгие годы ему казалось, что фотографии показывают правду именно потому, что молчат. Сейчас тишина перестала казаться доказательством.

— Ты был счастлив? — спросил он.

Генри подумал.

— Не каждый день.

Он встал, взял доску за край и кивнул, чтобы сын держал второй. Дэниел поднял свой конец. Оказалось, что ответ можно выдержать, если руки заняты общим делом.

Когда полка встала на место, отец поставил на неё одну пустую коробку. Дэниел хотел сказать, что через семь лет здесь окажутся шины. Не сказал. Генри ещё мог положить что-нибудь другое.

Рут позвонила сама. Генри ответил у ворот, прижав телефон плечом, и несколько раз переспросил, насколько сильно течёт.

— Я принесу плёнку, — сказал он. — Дэн, поможешь донести?

Дэниел последовал за ним к машине. Он не собирался оставаться в библиотеке надолго. Время до ужина казалось огромным, но уже уходило на дорогу, звонки, вещи, которые нельзя было просто отменить.

Библиотека занимала первый этаж старого кирпичного здания. Под навесом стояли детские велосипеды. Рут встретила их с ведром, в которое капала вода с её рукава.

— Только не смейтесь, — попросила она.

Генри посмотрел на потолок.

— Поздно.

Посреди читального зала сдвинули столы. На одном лежали раскрытые книги, на другом — бумажные полотенца. Из соседней комнаты выбежал мальчик, попросил не выбрасывать журнал с ракетой и начал объяснять, какая именно ракета там нарисована. Рут опустилась перед ним на корточки, выслушала и сказала, что журнал сначала нужно высушить.

Дэниел знал её другой: тихой женщиной возле отцовского кресла, которая умела объяснить, где лежат лекарства, и никогда не повышала голос при нём. Сейчас она отдавалась делу целиком. Поправляла ребёнку рукав, спорила с коллегой о том, какие издания убирать первыми, ногой отодвигала пустой таз. Генри подал ей плёнку и сразу придержал дверь, не дожидаясь просьбы.

— Дэниел, — сказал он, как будто они ещё не познакомились. — Мой сын.

Рут вытерла ладонь о брюки.

— Генри предупреждал, что вы можете прийти.

— Он позвонил минут двадцать назад.

— Он предупреждал и раньше.

Она не стала пояснять. Дэниел взял ведро, которое было почти полным, и унёс в подсобку. Там обнаружилась тряпка с отверстием посередине. Всё было знакомым и чужим: отцовский способ сложить провод, незнакомая женщина, которая знала, где лежит нужная розетка.

Они работали около получаса. Генри не полез проверять кровлю. Сотрудница дозвонилась до человека, который обслуживал здание, и договорилась о приезде ближе к вечеру. Пока оставалось переносить книги туда, где не капало.

На нижней полке Дэниел нашёл детский атлас, точно такой же, как в машине отца. Полистал. Страницы про побережье были заляпаны чем-то сладким. Рут посмотрела через его плечо.

— Это он приносит на занятия. Чтобы дети искали дорогу сами.

— Кто?

— Ваш отец.

Генри был у дальнего стеллажа. Держал в каждой руке по стопке тонких книг и ждал, пока мальчик с ракетой решит, какой проход освободить. Дэниел попытался вспомнить хоть один разговор о библиотечных занятиях. Отец рассказывал про машину, соседский забор, цену на бензин. Или Дэниел спрашивал только об этом.

— Не волнуйтесь, — сказала Рут, неверно поняв его лицо. — Мы не заставляем его работать.

— Я не волнуюсь.

— Хорошо. А то он стал заранее оправдываться, когда говорил о вас.

Она взяла атлас и поставила на сухой стол. Дэниел не успел придумать, что ответить.

На выходе Генри задержался, чтобы сказать Рут что-то тихое. Дэниел смотрел на улицу. На стене возле двери висел список добровольцев. Под фамилией отца было отмечено несколько воскресений.

Он отступил, чтобы пропустить женщину с коляской. Чужая дверь, которую он придерживал, неожиданно оказалась частью отцовского дома.

7. Синий чемодан

Эвелин вернулась к звуку колёсиков на лестнице.

Она стояла в прихожей. На запястье висел прежний браслет — застёжка сломалась через год после этого дня. В воздухе пахло духами, которыми дочь больше не пользовалась.

Лия спускала чемодан по одной ступеньке. Увидев мать, замерла.

— Я хотела написать из машины.

Эвелин знала следующее предложение. Своё. Даже почувствовала, как привычно поднимается голос.

— Поставь его. Ручка оторвётся.

Дочь насторожилась ещё сильнее.

Они отнесли чемодан вместе. Эвелин заметила, какой он тяжёлый. Значит, решение было принято давно.

— Ты куда?

— В Юджин. Пока к Кэрл. Потом сниму что-нибудь.

В прежней жизни Эвелин считала, что дочь уехала назло ей. Теперь перед ней стояла женщина двадцати восьми лет, которая собрала вещи и боялась выйти из собственного дома.

— Можно сегодня остаться? — спросила Эвелин. — Только до вечера.

Лия устало закрыла глаза.

— Мам.

— Я не буду тебя переубеждать.

— Ты всегда так начинаешь.

Эвелин провела пальцем по сломанному ремешку чемодана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.